

Нино и Джем
(представление)

2021

*I've got a kind of a salve
I could put on his eyes
and he could see the treasures
and get them out*

*

Tom Sawyer Abroad by Mark Twain

действующие лица

Нино & Джем		<i>герои</i>
-------------------	--	--------------

Слэш Лима Джун		<i>соседи и друзья героев</i>
----------------------	--	---------------------------------------

халдеи купцы стражники работники скитальцы		<i>массовка</i>
--	--	-----------------

эльфы говорящий буйвол наблюдатель		<i>реквизит</i>
--	--	-----------------

Примечание: вместо двух эльфов можно использовать одного; говорящего буйвола по необходимости допустимо заменить обыкновенным.

пустой чай, первая чашка

Пыль летит с улицы. В обед протёр – к вечеру снова всё в грязи. Когда дождь полегче, но тогда на полу. А что вы хотите. Первый этаж. И покупатели тоже ведь разные. Говорят: «Это молоко у вас что, неделю стоит?» А его утром привезли. Просто пыль летит. Я знаю, кому можно объяснить, а с кем вообще лучше не разговаривать. Я за столько лет привык немного людей различать. На глаза смотрю, на руки. Понимаю, чем человек занимается. Этот водитель. Большегруз. Этот повар. Этот охранник. Все разные. У каждого в глазах своё.

Каждый своё видит.

Вот вы ведь рисуете, я давно понял. Это сразу по глазам видно. В глазах больше красок становится. У меня же сын тоже рисует, но я никак не пойму, будет толк, не будет. Если будет – нужно ему учиться. Всему нужно учиться, я же понимаю, даже рисовать. Это только дети все рисовать умеют, верно? Все дети рисуют. Нет красок, нет бумаги – а рисуют всё равно. Знают, как. Самую сердцевину видят.

Потом забывают.

Но это я не разбираюсь конечно. Это я так говорю. Вот, посмотрите. Как думаете, это что-то... ну, то есть... сын, понимаете. А у меня тут, сами видите. Рис, масло, виноградный лист. Торговал бы картинами – я бы сам вам всё объяснил, а так... вот и спрашиваю. Если это нехорошо – вы не стесняйтесь, вы меня только утешите этим.

Я всю жизнь торгую, отец у меня торговал, дед тоже. В этом ничего нет плохого. А прадед был каландаром. Когда человек сам каландар, он же любому подсказать может, что торговцу, что художнику. А я, выходит, только торговцу могу.

Дедушка так рассказывал. Ему три года было, и отец... ну, его отец, мой прадед значит... положил перед ним два веера, и говорит: «Закрой глаза, и скажи какой лучше». И он прямо очень старался понять, какой лучше, глаза так сожмурил, что круги под веками заплясали, но всё же говорит: «Не знаю». И прадед говорит: «Что же, сын, тебе не стать каландаром. Но это, может быть, и к добру. Если я верно вижу, то это к добру».

И дедушка расстроился конечно, он же думал, что научится разные чудеса и всё такое, ногу отрывать и приставлять назад, ну, знаете. Еле слёзы сдержал, спрашивает: «А кем же я стану?»

И прадед тогда: «А теперь смотри глазами, какой веер лучше». Тот долго смотрел, потом говорит: «Этот!» Прадед: «Точно?» – «Точно!» – «А почему?» – «Ещё не знаю».

И прадед говорит: «Иногда видеть лучше, чем знать. Но хочешь ли ты всё равно узнать, даже если это тебе не нужно?» И тот: «Хочу!»

И тогда прадед говорит: «Я вижу так. Ты станешь торговцем, но будешь торговать самыми простыми вещами. Рис, масло, виноградный лист. Ты захочешь торговать костяными шарами, и шкатулками, и перламутровыми серьгами – не делай этого. И всегда живи на первом этаже, никогда выше!»

И дедушка: «Почему, почему, почему?» А прадед: «Не спеши. Я буду тебя учить, пока время ещё есть». И всё ему рассказал. А тот рассказал моему отцу. А отец мне рассказал.

А мне сыну нечего сказать.

Вот даже вам про веер интересно, я же вижу – а ему нет. Может, это пока. Я не знаю.

А про веер давайте я вам скажу, раз уж ему не надо. Их ведь делают из сандала. И если взять рейки и сварить в масле, то выйдет сандаловое масло, и его можно продать за двадцать рупий. А если не варить, то веер, получится, стоит двадцать рупий. И ещё на десять пайс бумаги с журавлями. А варёные рейки можно сразу выбросить, а можно сделать веер за десять пайс.

И прадед спрашивал дедушку: «Какими веерами ты станешь торговать? Дешёвыми, из которых через два года выйдет весь дух, или дорогими, в которых дух живёт сто лет?»

И дедушка отвечал: «Никакими, отец. Вы же наказали мне торговать только рисом и маслом и виноградным листом».

шлем с блёстками [ii]

Маленькое может быть большим, – думает Нино, – но не может быть высоким. Может быть большая мышь, но не может быть высокая мышь. Даже если она стоит на задних лапках. Высокий зиккурат да, а высокий сурикат – нет. И конь не может быть высоким. И слон. И обезьяна. Высшей может быть, а высокой нет. Высоким может быть только человек. И ещё стакан, – так думает Нино. Но говорит другое.

Нино говорит:

– Господин высокий эльф, отложите, пожалуйста, свои крылотрепетания, а то я вам что-нибудь не то отхвачу, – Нино показывает эльфу маникюрные ножницы. Эльф морщится, но затихает, и Нино аккуратно, не дыша, начинает срезать паутину. Тинь-понецунь! – лопаются паутинки. Будто капроновые струны, – думает Нино, – у меня была такая гитара. Интересно, где она сейчас. И ещё интересно, где сейчас этот паук. Он наверняка большой.

Ладно что не высокий.

– Нино, ты чего?

– А? Что?

– Ты чего по крыше голышом скачешь? – это Джем поднимается. Нино проверяет. Да, голышом.

– А что?

– Как что? Вон, соседи плятятся, – в доме через дорогу мелко дрожит штора в мелкий горошек.

– А мне не жалко! – Нино вскидывает руки, исполняет нечто между сиртаки и цыганочкой. Штора бьётся так, что с неё того гляди осыпется горох.

Джем хватает со скамьи вчерашнее одеяло, заворачивает Нино, поднимает на руки.

– Пусти! Я могу ходить самостоятельно! В смысле самоходительно!

– А вдруг мне кой-кого пощупать захотелось?

– А. Ну тогда ладно, – Нино обмякает, Джем нащупывает ногой ступеньки.

Проходит пять минут.

Потом ещё пять.

– Чего тебя на крышу-то понесло? – спрашивает Джем.

– Эльф позвонил. Тебе что, не было слышно? – сонно удивляется Нино.

– Как позвонил?

– Так: вжжзынь, вжжзынь. Крыльями. Ой, там же ножницы остались! – вскидывается Нино.

– Я принесу, – говорит Джем.

– Ага, давай. Только там паук, смотри под ноги.

– Буду, – заверяет Джем.

Джем, глядя под ноги, выходит на крышу. На полу крыши лежат... на крыше лежат... да как сказать-то? Ножницы лежат на виду, больше на крыше ничего нет. Джем заглядывает под скамью. Там, в самом тёмном углу, отливает зелёным огнём коктейльная пика.

Джем спускается. Нино сидит на пороге, натягивает левый кроссовок на правую ногу.

– Ты куда? – беспечно спрашивает Джем.

– За соком схожу. Пить хочется.

– Давай лучше я.

– Почему ты?

Потому что нельзя тебе сейчас на улицу. Нет, так не надо говорить. А вдруг эльф опять позвонит, а я не услышу? Нет, так тоже плохо.

– Потому что у меня скидка, – отвечает Джем.

– А, ну возьми два тогда. И для меня скидку попроси тоже, ладно?

– Ладно. Я быстро! – Джем натягивает рубаху, хватается рюкзака, добегают до лавки на углу, берёт пачку персикового и пачку апельсинового. И, подумав, ещё яблочного. Расплачивается, бежит назад.

Бежит-бежит назад.

Очень быстро бежит назад, и добегают до конца улицы. В конце улицы – дерево, забор. В тени спит буйвол.

Вот же, – думает Джем. Поворачивает, возвращается. Смотрит по сторонам.

– Самфин мо? – машет рукой усатый лавочник, подмигивает, улыбается.

– Два джуз мо! – отвечает Джем, и берёт ещё гуаву и что-то вообще непонятное, навроде годжи. Эти подороже.

Идёт медленнее, вглядывается. Справа синий порог. Напротив шторы в горох. Ничего похожего. Здравствуй, буйвол. Буйвол спит. Ещё раз. Может, наоборот? Может, синий порог слева, а горох справа? Нет. Нет. Нет. Усач выставляется из лавки.

– Айм джаст вокин! В движенъи жизнь! – успокаивает его Джем, но лавочник понимает по-своему, хлопает в ладоши:

– Ез май фрэнд! Вэйт э минит! – и куда-то исчезает.

Джем не ждёт. Возвращается к буйволу, садится в пыль, пробует спиной забор. Выдержит? Выдержит.

Тут в чём дело. Эта улица не настоящая. Фанерная. Нарисованная. Её нарисовали не для того, чтобы заходить в дома – а для того, чтобы рассекать ровно посередине, в клешах и шляпе, с рукою на кобуре, цедить с ухмылкой: Ты думал, шериф, что совладал со мной? Не на того напал! Ты у меня попляшешь! Паф-паф-паф! – и шериф, тоже в клешах, но пожиже, с жестяной звездой на груди, отвечает: Ай! А потом отвечает: Ай-ай-нана-нана! – и пускается в пляс.

Джем фыркает.

Буйвол вздёргивает головой: Чего смешного?

– Бояться смешно, – поясняет Джем.

– Факт, – соглашается буйвол.

– Жрать, а потом молиться, чтобы попустило – смешно, – прибавляет Джем.

– И глупо, – кивает буйвол.

– Ты хороший человек, – замечает Джем, – ты всё правильно понимаешь.

– Спасибо, – смеётся буйвол.

– Сколько времени? – спрашивает Джем.

– Вот так вопрос! – снова смеётся буйвол.

– Часа три?

– Типа того. А что?

– Солнце на юге, океан на востоке. Пойду окунусь.

– А. Это дело. Проводить тебя?

Ты привязан, – думает Джем.

– Я в порядке, – заверяет Джем, – Туда идти? Вот эта тропинка?

– Почти, – прядает ушами буйвол, – Вот та, – и ноздрями показывает в другую сторону.

– Я в порядке, – повторяет Джем, подымаясь, – меня Джем зовут.

– Бенедикт, – отвечает буйвол и закрывает глаза.

Бенедикт-Бенедикт-Бенедикт – повторяют голоса в голове.

Джем выходит на пляж. Руки исцарапаны, к штанам пристал невесть где собранный пух. Прямо под дюной сидит Нино, отчего-то снова в одеяле. Мокрые волосы иголочками. Рядом двое... нет, трое... Джем вглядывается, запинается о корягу, катится по склону, встаёт на карачки. Все четверо смотрят удивлённо. Нино вскакивает, путается ногами в одеяле,

одеяло падает, трое синхронно отворачиваются.

– Чего так долго? Не было сока?

Джем холодеет. Сок. Где сок? Сок в рюкзаке. Так. А рюкзак-то, рюкзак где? А, вот он. На спине. Уф.

– Да пришлось побегать, – неопределённо поясняет Джем, водит в воздухе руками. Достает сок: один, третий, пятый. Потом второй и четвёртый. Потом маленькую бутылочку колы. Откуда она взялась?

– Ну ты даёшь! А у нас как раз ром есть! Это, короче, Марио, это тоже Марио, а этого я не помню. Они прикольные. Чуваки, смотрите что у нас есть! У кого ром?

Немарио, не оборачиваясь, передаёт квадратную бутылку.

Джем ложится в песок, смотрит в небо. Скулу саднит. Кажется, там теперь тоже царапина.

– Так-так, у кого стаканчики? Мой улетел куда-то, выдайте мне новый. Ты держи, держи! Бутылку есть чем открыть? Джем, тебе со льдом? – тарабанит Нино.

Надо же, у них тут и лёд есть, – думает Джем.

А ещё Джем думает: Ты отведешь меня домой, Нино?

хоры: Слэш

Погодь. Ты стафф будешь? Или пива принести? Сейчас. Э. Э-э-э. Да тут походу пива-то и нет. Чего тогда? Может чай? Можно чай. Пуэр норм. Сейчас. Сейчас закипит. Сейчас.

Так что, ты прям серьёзно не знаешь Нино? Ну ты даёшь. Нино не знал – красоты не видал. Вот давай и познакомлю. Они дома должны быть, сегодня не выходили ещё. Да удобно-удобно, не стремайся, времени-то уже сколько. Эй, есть кто? Ни... А. Бля. Они же уехали в этот свой. В ашрам. В декабре ещё. Совсем из головы вылетело.

Прикинь, а я всё понять не могу, чего они не выходят. Это надо спать столько. И главное Джем мне ничего не говорит. А там же такой голос. Голос!

Так, да подожди ты, пусть побулькает по-лучше.

Зато Нино ходить умеет. Как умеет, мамочки мои! Ты ж в курсах, что я не по этой теме, да? Так вот, а когда я вижу, как Нино по лестнице спускается – там вообще. Я тогда думаю: А ведь мы могли бы... А потом уже думаю: Ни хуя бы мы не могли бы. Джем же.

И вообще. Если бы не Джем – Нино бы уже не было.

А я тебе отвечаю. Знаешь тот сквот, что у вокзала? Со стороны Икарии, знаешь же? Там сейчас какие-то бичи отвисают, а раньше хуебожники жили. Хуебожники. В смысле нет, нормальные тоже были. Даже рисовали некоторые. Стену вон вообще любо-дорого расписали. С золотом там, с неоном. Но там закрашили конечно всё давно. Это давно было, говорю же. И, главное, все на хмуром. Ну, знаешь, как бывает. Сперва один кто-то, потом все. И Нино там. И Джем приходит к ним и говорит: Я Нино забираю, а если будут искать – вы меня не знаете. И все такие: А ты кто вообще? И Джем: Вот умнички!

Но это я придумываю так, меня-то там не было.

Во-о-от. И проходит... сколько? Ну, полгода пусть будет, и они всем сквотом переезжают под холм. Какая-то стрёмная партия пришла там. Знаешь же, как бывает. Говно какое-то. И, главное, пушеры тоже все из города валят от греха. Вообще с месяц чисто было. Потом новые объявились, ясно. Ходят, зыркают. А у Нино стаж тогда года два был. Типа навсегда уже. А вот хуй там. Я же руки вижу – чисто. Вообще не надо стало.

Не, ну есть, кому вообще похуй. Кит Ричардз там, такие, из олдовых. Ну так он цыган, хули ему. Серьёзно, ты не знаешь? Ну так посмотри, как он играет. Мик так ни в жизнь не сыграет, рублишь?

Вот, цыганов не берёт же. Цыган, если фараоны зажмут, пять доз в топку кинет – так ему похуй вообще. Поэтому они и торгуют везде.

Я года через три спрашиваю всё же: Нино, у тебя в роду цыганов не было? А Джем говорит: У меня были, что дальше?

А ничего дальше.

Может, и у меня тоже были, но хуй я проверять стану.

Обожди, я сейчас пива принесу.

Ё. Лима! Лимончик! А пива что, вообще нет что ли?

Ну ладно.

О! Чего я говорю-то. Любовь. Эта хуйня когда настоящая – вообще выносит пиздец как. Вот я и Джун сколько вместе? Три года? Четыре? Пусть четыре. И на год ещё разбежались. И спокойно. По жопе хлопнешь и дальше идёшь. А они десять лет уже. И им всё мало. Всё обжимаются. Ну чисто школьники. Такая любовь – стекло плавится.

Думаешь, я гоню? Я сейчас покажу тебе! У них в комнате. О. А. Они же уехали, точно. Потом значит покажу. Ты главное напomini.

Там, ты погоди, стакан такой был. Высокий такой, знаешь. И вот я утром суюсь к ним, стрельнуть там, не помню чего. А от этого стакана такая калоша получилась. Расплылся весь.

Пластик? Хуястик! Настоящий стеклянный стакан был. Мы его в баре спиздили. Ну и даже по калоше этой видно – настоящий

стеклянный стакан. Просто так в лужицу поплыл. Такая любовь, я ебу вообще.

Пойду, слушай, пива принесу. Сейчас. Так. Чего-то я не врубаюсь. А кто всё пиво высмоктал?